

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	6
<i>Александр фон Гумбольдт. Экспедиция в Россию</i>	9
Использованная литература	143
<i>Оливер Любрих. Ученый, приближенный к венценосным особам: Гумбольдт в Сибири.</i>	146
Указатель имен (<i>сост. В. Кретов</i>)	160

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Путешествие Александра фон Гумбольдта в Европейскую Россию и Сибирь представлено в этой книге в виде монтажа разных документальных источников. Они передают голос двух действующих лиц — Александра фон Гумбольдта (письма) и его спутника по путешествию Густава Розе (описание путешествия). В свою очередь, письма Гумбольдта подразделяются по своей манере на официальные и частные, поскольку он состоял во время экспедиции в переписке с двумя группами лиц: с одной стороны, это министр финансов России граф Георг фон (Егор Францевич) Канкрин, который взял на себя расходы по проекту, его жена и прусский посланник в Петербурге генерал барон фон Шёлер; с другой стороны — брат Вильгельм в Берлине и друг Франсуа Араго в Париже. Автор и адресат обозначаются следующим образом:

Канкрину — Александр фон Гумбольдт — графу Канкрину

Графине Канкриной — Александр фон Гумбольдт — графине Екатерине Захаровне Канкриной

Шёлеру — Александр фон Гумбольдт — барону Фридриху фон Шёлеру

Араго — Александр фон Гумбольдт — Франсуа Араго

Розе — Густав Розе. Путешествие на Урал, Алтай и к Каспийскому морю

Орфография и пунктуация соответствуют приведенным изданиям. Сокращения в тексте обозначены многоточием (за исключением опущенных сносок и ссылок на страницы). Подчеркивание и выделение переданы курсивом.

Компиляция выдержек из писем Александра фон Гумбольдта во время путешествия по России 1829 г. и описания этого

путешествия минералогом Густавом Розе приводится по изданию: Alexander von Humboldt. Zentral-Asien. Untersuchungen zu den Gebirgsketten und zur vergleichenden Klimatologie. Hrsg. von Oliver Lubrich. Frankfurt a. M., 2009. S. IX–CCVIII с любезного разрешения издательства S. Fischer.

К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Выражаем особую благодарность за научную редакцию перевода на русский язык главному научному сотруднику Института истории и археологии Уральского отделения РАН Евгению Георгиевичу Неклюдову. Он также является автором части комментариев, которые включены в настоящее издание дополнительно к немецкому тексту. Авторы остальных комментариев — Оливер Любрих и Денис Анатольевич Сдвижков.

ПОЯСНЕНИЯ К УПОТРЕБЛЯЕМЫМ ЕДИНИЦАМ МЕР¹

Локоть — длина предплечья

Морская сажень — 6 футов

Фут, английский — 30,48 см

Фут, парижский — 32,48 см

Копейка, денежная единица России, — 1/100 рубля

Кельнская марка, единица массы, — 233,85 г

Лахтер, единица длины в горном деле, — сажень, длина вытянутых в стороны рук

Миля (лье), французская, — 4452 м

Фунт, единица веса, — до 1858 г. единого стандарта не было

Пуд, русская единица массы, — 16,38 кг

Рубль, денежная единица России, — 100 копеек

Шаг, немецкая единица длины, — 70–80 см

Золотник, русская единица массы, — 4,27 г

---

¹ Округленные данные по: Helmut Kahnt, Bernd Knorr. Alte Maße, Münzen und Gewichte. Mannheim etc., 1987.

Туаз, французская мера длины, — 1,95 м

Ведро, русская мера объема, — 12,3 л

Верста, русская мера длины, — 1066,8 м

Дюйм (pouce), французская мера длины, — ок. 2,7 см

ПОЯСНЕНИЯ К КАЛЕНДАРНЫМ ДАТАМ

Старый стиль: юлианский календарь (действующий в России до 1918 г.)

Новый стиль: григорианский календарь (действующий в Пруссии и Западной Европе)

В 1829 г. разница составляла 12 дней, таким образом, 18 мая «нового стиля» соответствовало 6 мая «старого стиля».

ЭКСПЕДИЦИЯ В РОССИЮ

Розе

Чтобы познакомить читателя с тем, что стало побудительной причиной для нашей экспедиции, я включу здесь с разрешения г-на фон Гумбольдта следующее из исторического введения к еще не напечатанному «Дневнику астрономических и магнитных наблюдений»:

«Полагаю, что самым достойным способом выразить благодарность, питаемую мной к высочайшей особе монарха, по приказу которого я предпринял и совершил путешествие в азиатскую Россию, станет сам мой рассказ о том, чему было обязано это путешествие, и о том, с какими благими мотивами и щедростью были предложены средства для достижения научных целей.

Летом 1827 г., вскоре после моего возвращения в отечество после долгого пребывания во Франции, государственный министр финансов Российской империи г-н граф Канкрин¹ предложил мне изложить ему соображения о преимуществах платиновой монеты из уральских месторождений, которая вскоре должна была быть введена в оборот, и о законодательном установлении соотношения ее стоимости с двумя прочими благородными металлами. Еще ранее испанское правительство официально запрашивало меня о соображениях на тот же счет. Кроме того, во время Венского конгресса собравшимся монархам поступило предложение от частных лиц о чеканке монеты из американской платины, которая принималась бы всеми государственными казначействами. Опасения, которые в 1827 г. я выразил в этой связи графу Канкрину, по многолетнему опыту,

---

¹ Егор Францевич (Георг Людвиг) Канкрин (1774–1845), русский государственный деятель и экономист немецкого происхождения, генерал от инфантерии, министр финансов России в 1823–1844 гг.

при очень умеренной эмиссии платиновой монеты и большой протяженности империи, не оправдались, и я рад подтвердить это здесь. В то же время обсуждение без обиняков важного для национальной экономики вопроса ничуть не поколебало выраженное мне почетное доверие. Мне достаточно было едва упомянуть в переписке, что я надеюсь, насколько это позволит моя ситуация, посетить летом Урал, геологическое строение которого, очевидно, дает много параллелей для сравнения с горной цепью Анд в Новой Кордове¹. И уже 5 (17) декабря 1827 г. г-н министр финансов, неустанно способствующий появлению все новых научных предприятий и институтов, известил меня о высочайшем повелении Е. И. В. Николая I. Согласно ему, моя дальняя поездка должна была быть тщательно подготовлена и осуществляться исключительно за счет средств российского двора. Это известие пробудило во мне вновь прежнюю врожденную тягу к путешествиям. Но как бы я ни был счастлив вновь пересечь столь обширное пространство сухопутным путем, я все же не мог воспользоваться этим замечательным предложением, несколько не умалявшим притом моей свободы, немедленно — ибо прежде должен был закончить зимой-весной 1828 г. свои публичные лекции о физическом мироописании.

Просьба об отсрочке была немедленно принята, и 8 (20) марта 1828 г. граф Канкрин известил меня о собственноручной конфирмации Е. И. В. того, что из моих собственных соображений я волен перенести экспедицию на Урал и в Тобольск на 1829 г., а также взять с собой в качестве сопровождающих ученых коллег профессоров Эренберга² и Г. Розе³. На мое усмотрение оставалось также, захочу ли я в последующем посетить также Арарат и прочие южные территории России. Г-н министр финансов с трогательной заботливостью принял самые действенные меры для обеспечения безопасности и скорости предпринимаемой поездки. Отдельная присланная мне зимой 1829 г. незадолго до

¹ Кордова (Кордоба) — провинция на северо-западе Аргентины.

² Христиан Готфрид Эренберг (1795–1876), немецкий естествоиспытатель и путешественник, зоолог, геолог, ботаник, иностранный член Петербургской академии наук.

³ Густав Розе (1798–1873), немецкий ученый-минералог и геолог, иностранный член Петербургской академии наук.

отъезда из Берлина промемория включала в себя определения об уже изготовленных для экспедиции повозках, числе почтовых лошадей на станциях (обычно от 15 до 20), выборе фельдъегеря или курьера, о просторных квартирах, которые должны были быть везде в готовности, о воинском сопровождении там, где оно требовалось по близости границы, и т. п. Нас должен был сопровождать замечательный чиновник горного ведомства, равно владевший двумя языками, немецким и французским. Считаю приятным долгом выразить здесь публично свою признательность этому нашему проводнику, г-ну обер-гиттенфервальтеру, а ныне берг-гауптману Меньшенину¹.

Упомянутая промемория заканчивалась знаменательными словами: то, в каком направлении и с какими целями будет предпринято путешествие, оставляется на Ваше усмотрение; правительство заинтересовано лишь в поддержке науки. Насколько возможно, способствуйте развитию горного дела и промышленной активности России. Не могу умолчать о подобных благородных побуждениях, которые и были реализованы на всем протяжении поездки в 14 500 верст (более 2000 географических миль), уже потому, что они отрадным образом характеризуют эпоху, в которой мы живем. Благоволение, оказываемое незаметной деятельностью одного человека, снисходит до него с высоты науки. Оно служит живым выражением внимания, которое державный монарх оказывает развитию знания и благотворному влиянию этого знания на благосостояние народов. Среди многочисленных знаков расположения, которыми я обязан императору Николаю I, особенно важно для меня упомянуть о предложении новой поездки, сделанном мне по распоряжению Его Величества 14 (26) февраля 1831 г., то есть спустя всего 16 месяцев после возвращения с Каспийского моря. Мне предоставлялось на выбор посетить лишь Финляндию, либо, если я предпочту юг, Кавказ. Это распоряжение, которому, к сожалению, я не смог последовать, дало мне повод думать, что устремления моих друзей и мои собственные удостоены милостей, которые

---

¹ Дмитрий Степанович Меньшенин (1791–?), горный инженер, чиновник разных поручений Горного департамента, впоследствии уральский берг-инспектор, горный начальник Пермских казенных заводов, член Горного совета и Горного ученого комитета, редактор «Горного журнала».

мы можем хоть отчасти оправдать лишь должным приложением всех наших сил».

Это написано г-ном Гумбольдтом.

Розе

Сибирскую экспедицию я проделал при самых благоприятных обстоятельствах, какие только возможны при преодолении столь обширных территорий восточной Европы и северной Азии. Везде прилагались самые действенные усилия для возможно более скорого передвижения; на всех шахтах и металлургических заводах нас ожидали, вскоре по прибытии знакомили со всем достойным внимания, на осмотрах нас по возможности сопровождали служащие предприятий. Таким образом никакое время не было потрачено впустую, мы могли познакомиться со всеми предметами гораздо быстрее, чем было бы возможно при иных обстоятельствах. За краткий срок, менее чем шесть месяцев¹, мы пересекли Урал почти на шесть градусов широты от Богословска² до Орска и Алтай от Барнаула до монгольско-китайской границы на Иртыше. Мы посетили Астрахань и Каспийское море. В то же время из-за высокого темпа, который требовался для этой поездки, чтобы не быть застигнутыми зимой, нельзя было провести сопутствующие геологические исследования, и мы должны были удовольствоваться общим обзором.

Розе

Мы, то есть г-н фон Гумбольдт, г-н Эренберг и я, отправились из Берлина 12 апреля 1829 г. в двух экипажах, поскольку поездка по северной Азии требовала наличия под рукой астрономических и физических инструментов, книг и приспособлений для химических опытов и сбора коллекций по естественной истории.

---

¹ Мы покинули Петербург 20 мая и вернулись обратно 15 ноября. В указанные более чем 2000 географических миль (15 градусов), преодоленные нами за это время, не включены более мелкие поездки с отдельных заводов и шахт, притом что и они бывали весьма значительны (здесь и далее курсивом выделены авторские примечания Розе. — Прим. ред.).

² Имеется в виду Богословский заводский поселок, центр одноименного казенного горного округа (ныне г. Карпинск).

Отъезд был назначен вначале на более позднюю дату, а именно начало мая, однако его ускорило известие о том, что в это время Его Величество император России уже должен уехать из Петербурга для коронавания в Варшаву.

В Берлине уже давно установилась теплая весенняя погода, так что мы надеялись добраться без остановки до Петербурга. Однако вскоре мы поняли, что выбрали для такого северного путешествия наихудшее время. Уже на следующий день нас застиг снег, из-за таяния которого дороги раскисли. А позднее мы столкнулись с неудобством, что на всех реках на нашем пути был ледоход. В каждом случае приходилось его пережидать, так что наше путешествие чрезвычайно затянулось.

Однако в первые дни все эти тяготы нам еще не досаждали. Большое шоссе, ведущее в Кенигсберг, снег не особенно испортил, а в Диршау, куда мы прибыли утром 14-го, Вислу мы нашли уже 8 дней как очистившейся ото льда и смогли без остановки пересечь ее на пароме. Вода стояла еще высоко, в низменностях около Данцига она прорвала дюны, причинив большой ущерб. Через две мили мы переправились через второй рукав Вислы, Ногат, по ту сторону которого находится Мариенбург. Несколько часов мы с интересом осматривали старый замок немецких рыцарей, который восстановлен ныне в первоначальном виде. За Мариенбургом и до Эльбинга мы снова обнаружили всю местность по обе стороны дороги затопленной настолько, что на поверхность залившей все воды почти ничего не выступало.

15-го утром мы достигли Кенигсберга и провели там два приятных дня, возобновляя старые знакомства и завязывая новые.

Вильгельму¹

Кенигсберг, 5 (17) апреля 1829 г.

Мое путешествие, дорогой брат, протекает легко и счастливо. Мы прибыли сюда вчера в 8 утра, после того как ехали четыре

---

¹ Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт (1767–1835), старший брат Александра фон Гумбольдта, немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Осуществил реформу гимназического образования в Пруссии, в 1809 г. основал университет в Берлине, был другом Гёте и Шиллера. Один из основоположников лингвистики.

ночи подряд и напрасно прождали в Мариенбурге шесть часов обер-президента фон Шёна¹. Видимо, приехать из Мариенвердера ему помешало колоссальное наводнение. В Мариенбурге мы осмотрели все замечательное под руководством педантичного священника. Дорога из Берлина сюда в общем и целом была отличной, если не считать снега и ледяной корки на протяжении нескольких миль. Ехали мы достаточно быстро, так как часто перекусывали и должны были остановиться на три часа из-за скоб прикрученного (к повозке Эренберга) чемодана. Здесь я провожу все время с энергичным и любезным Бесселем², на построенной тобой обсерватории, и не далее как сегодня утром вел с ним магнитные наблюдения. Вчера он пригласил к себе на обед всех ученых. Для подготовки к дальнейшему путешествию всю необходимую помощь мне оказывает дворцовый почтмейстер Пфютцер. Двинуться дальше я смогу только сегодня ночью: по сведениям из Мемеля, морской пролив очистят от уже ненадежного льда. Возможно, мы остановимся на последней станции косы, в Шварцорте, если в [Куршском] заливе еще будут большие льдины. Переезд через Вислу выдался совершенно безопасным. Здоровье мое великолепно, спутники замечательные, к четырем кубическим футам медикаментов Эренберга мы пока даже не притронулись. Нежно обнимаю тебя, дорогой брат, постоянно думаю о тебе и твоём будущем. Обними Каролинхен³ и Германа⁴ и напиши три строчки моему уважаемому другу генералу Вицлебену⁵, чтобы сообщить ему о дате моего отъезда отсюда. Кроме Дерпта (на 1 день), я безусловно постараюсь нигде не задерживаться.

¹ Генрих Теодор фон Шён (1773–1856), прусский государственный деятель, обер-президент провинции Пруссия с центром в Кенигсберге.

² Фридрих Вильгельм Бессель (1784–1846), немецкий математик и астроном, директор Кенигсбергской обсерватории.

³ Старшая дочь Вильгельма и Каролины фон Гумбольдт, Каролина Вильгельмина Мария (1792–1837).

⁴ Герман фон Гумбольдт (1809–1870), младший (восьмой) сын Вильгельма и Каролины фон Гумбольдт.

⁵ Иоб фон Вицлебен (1783–1837), генерал-адъютант и начальник личного военного кабинета прусского короля Фридриха Вильгельма III, затем военный министр Пруссии.